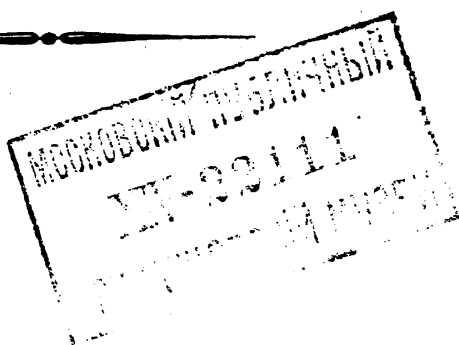

АСМОДЕЙ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Соч.

В. Кочви-Сохрана.

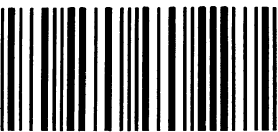

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ. Де-
кабря 17 дня 1857 года.

Ценсоръ А. Лазовъ.

2007112330

Въ типографіи Э. Треймана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— «Вотъ развалины тѣ!» Чортъ побери, не поется какъ-то. Ермалай! Подай-ка, братецъ, тамъ что нибудь, скатерть что-ли... Вотъ такъ! Давай! Это что? Никакъ халатъ? Отлично, монъ-шеръ! Въ этомъ я буду истый Петровъ. Полу на плечо, физиономію поотчаяннѣй, да и того... Жаль только, что сегодня я какъ будто не въ голосъ; ну, да ничего, пробуемъ.»

И молодой человѣкъ, драпируясь шелковымъ халатомъ, запѣлъ во все горло распресквернымъ басомъ: «вотъ развалины тѣ», фальшивя отчаянно, и поминутно переходя изъ мажора въ миноръ.

Этотъ повѣса былъ однимъ изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, у которыхъ *завтра* вовсе не существуетъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда несносный кредиторъ являлся съ униженнымъ напоминаніемъ о давно-просроченномъ долгѣ, объясняясь при этомъ, что онъ никакъ не осмѣлился бы беспокоить его благородіе такими пустяками, еслибъ его самого не заставляла крайность. Еще одинъ только шагъ сдѣланъ былъ имъ въ жизнь дѣйствительную: по этотъ шагъ былъ простъ и не затѣйливъ, какъ фигуры Французской кадрили. Правительство указало молодому человѣку дорогу, снабдивъ его на подлежащее путешествіе запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, разогрѣвъ сердце его ко всему прекрасному и воз-

вышенному и покрывъ пылкую душу его эгидою чести и долга; на счетъ всего прочаго предоставлено было распорядиться ему самому, по усмотрѣнiю. Молодецъ, получивъ отъ своей матери родительское благословенiе, нѣсколько неизбѣжныхъ наставленiй и небольшой бумажникъ съ довольно осязательнымъ содержанiемъ, въ проѣздъ черезъ Москву, спустилъ большую часть полученнаго имъ груза, не коснувшись только бѣлья да предметовъ невѣсомыхъ, и къ мѣсту своего назначенiя прибылъ, по пословицѣ, яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего.

Эхъ, молодость, молодость! Широко ты, словно полая вода, разливаешься по необнимаемымъ очами долинамъ открывающейся предъ тобой жизни; вольно шумятъ шаловливыя волны твои, убѣгая отъ берега, гдѣ стоитъ прiютъ, взлѣбывшiй тебя, развернувшiй лихiя твои силы, пустившiй тебя шпрять по поднебесью сизымъ орломъ! И что за крѣпость въ твоихъ гибкихъ членахъ! Что за раздолье въ твоихъ замысловатыхъ затѣяхъ! Бойко несешься ты дикимъ конемъ въ далекую степь, пока не обожжетъ тебя палящее солнце, не заслѣпнѣтъ тебѣ очи горячiй песокъ, и пока — усталая — не обратишь, какъ жаръ, раскаленныхъ взоровъ твоихъ на право и на лѣво, нища прохладной струи, чтобъ утолить кипящую въ тебѣ жажду желанiй и надеждъ!...

Молодой человѣкъ, который, пока мы говорили, окончательно сбился съ тону, поднявшись, по его выраженiю, выше облака ходячаго, выше лѣсу стоячаго, — этотъ молодой человѣкъ не герой моего романа. Передъ читателемъ встаетъ во всемъ мелочномъ своемъ величii и величавой мелочности, во всей, можетъ быть, грустной, но тѣмъ не менѣе справедливой дѣйствительности и другiе образы, другiе характеры, рѣзко бросающiеся въ глаза наблюдателю и оттѣненные самородной особенностью: но опять не на нихъ опирается все зданiе этого разсказа, не они движутъ перомъ, едва поспѣвающимъ за тревожнымъ бѣгомъ развивающейся мысли.

Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ однакожь знать, что молодой человѣкъ, открывшiй эту повѣсть раздражительной ари-

ей Бертрана, называется Оедоромъ, по отчеству Степановичемъ, а по прозвищу Племянничковымъ. Собой онъ былъ вовсе не красавецъ; природа какъ-то ужъ черезчуръ заострила его физиономію, придавъ ей слишкомъ рѣзкое выраженіе. На моду большихъ претензіи Племянничковъ не имѣлъ, и кромѣ уродливой прически *à la tougik*, которая, какъ нарочно не шла къ улиткообразной головѣ его, вы не встрѣтили бы на немъ ничего такого, что поторопился бы перенять любитель модныхъ фраковъ, жилетовъ и прочихъ клочковъ, которыми, по замѣчанію поэта, «на переکورъ стихіямъ», опутываетъ себя цивилизованная половина смертныхъ мужескаго рода. Весь корпусъ Племянничкова, свыкшійся сначала съ школьной курткой, а потомъ должностнымъ мундиромъ, какъ-то не совсѣмъ уложе укладывался во фракъ, какъ бы онъ ловко сшить ни былъ. Не смотря на тщательность, съ какою обыкновенно Племянничковъ прибирался на званый вечеръ, всегда у него, послѣ первой же кадрили, или сворачивался на бокъ nepозволительно-толстый узелъ галстука, или высовывалась манишка, открывая такимъ образомъ не всегда безукоризненно чистое бѣлье, или оказывалась одна перчатка незастегнутою, по немнѣнію крючка или пуговицы. На все это впрочемъ Племянничковъ не обращалъ большаго вниманія; его даже мало беспокоило и то, если въ бѣшеномъ вальсѣ портилась его наскоро и незатѣйливо придуманная прическа, и волосы опускались космами, дѣлая его похожимъ на человѣка, который только что вымѣзъ изъ ванны. Вести разговоръ Племянничковъ умѣлъ какъ-то особенно; смотря потому, гдѣ и съ кѣмъ приходилось ему говорить, онъ бывалъ или чудо какъ остеръ и оборотливъ, или нестерпимо тягучъ и тяжелъ, точно какъ будто всякое слово вязло у него въ зубахъ. Но всего опаснѣе для него было вести рѣчь съ дамами. Богъ его знаетъ, только такъ бывало, что начнетъ онъ какъ быть должно — и сладко, и мягко, и комплементецъ ввернетъ кстати, а чрезъ минуту, смотришь, дама и отвернулась отъ него совздернутою губою. «Что, спрашиваетъ его обыкновенно въ такихъ случаяхъ пріятель: видно, ужъ болтнулъ что нибудь? — Да нѣтъ, братецъ, я то и